

Междисциплинарный аспект категории «как было на самом деле»

Стремление узнавать «как было на самом деле» можно отнести к категориальному восприятию прошлого. Эта установка современного сознания относится ко всему, что становится предметом внимания воспринимающего и потому допустимо рассмотреть теоретически процесс узнавания того, что и как было на самом деле в жизни людей, в их повседневности. Однако прежде следует определить отношение к реальности, ибо она всегда присутствует в своих собственных рамках осознаний чего бы ни было.

В статье Альфреда Шюца «О множественности реальностей», ставшей классической для феноменологии¹, подчеркивается, что «исток реальности субъективен»². Реальна любая субъективность и потому, писал А. Шюц, «бесконечно много различных порядков реальностей, каждый из которых предполагает свой особый и отдельный стиль существования». Первый раздел его статьи так и назван: «Реальность мира повседневной жизни».

Шюц раскрывает смысл «повседневной жизни» не через хаос мнений, а через «интерсубъективный мир», существующий до всякого личного мнения о нем, ибо любая интерпретация мира основана на актуализации предыдущих переживаний, мыслей, чувств. Они так или иначе группируются вокруг естественной установки, и в ней нет хаоса, напротив, естественная установка определяет собой взаимодействие индивидуального и *само собой разумеющегося* общего мнения.

В этом взаимодействии философа интересует прежде всего «спонтанная жизнь» человека, в которой обнаруживаются самые простые и не осознаваемые элементы: это «простые физиологические рефлексy например, коленный рефлекс, хватательный рефлекс у детей, моргание, покраснение; более того – определенные пассивные реакции, вызванные тем, что Лейбниц называет проскальзыванием неразличимых и смешанных малых восприятий; далее – моя походка, выражения моего лица, мое настроение, те проявления моей спонтанной жизни, из которых следуют некото-

© Юрганов А.Л., 2025

¹ Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Т. 3. № 2. 2003. С. 3–34.

² Там же. С. 1.

рые характеристики моего почерка, доступные графологическому толкованию, и т. д. Все эти формы произвольной спонтанности переживаются в процессе своего появления, но не оставляют никакого следа в памяти; как опыт, они, если снова воспользоваться термином Лейбница, лучше всего подходящим в данном случае, воспринимаемы, но не апперцептивны»³. Пассивные элементы соседствуют с «активностью», такой категорией спонтанной жизни, которую Шюц определял через любой субъективно осмысленный опыт спонтанности, «будь то опыт внутренней жизни или опыт, вторгающийся во внешний мир»⁴.

Если пассивная сторона спонтанности – это «простое делание» (*mere doing*), то активная сторона – это «простое думание» (*mere thinking*). Понятием «рабочая операция» Шюц определял всякое действие в спонтанности, которое основано на *проекте* своего отношения к внешнему миру. Он отмечал: «Все формы так называемой автоматической деятельности во внутренней или внешней жизни – привычные, традиционные, аффективные – попадают в этот класс, называемый Лейбницем “классом эмпирического поведения”»⁵. Согласно центральному пункту философии А. Бергсона, о котором упоминает Шюц, сознательная жизнь человека обнаруживает «бесконечное число планов». И каждый план характеризуется своим «напряжением сознания»: в активном действии – это наивысший интерес к жизни, в сновидении – самая низкая степень напряжения. Шюц ввел свой термин для обозначения наивысшего напряжения сознания, когда возникает полное внимание к жизни – это состояние «бодрствования». Отсюда: «пассивное внимание противоположно полному бодрствованию». Именно в «состоянии полного бодрствования работающего Я прослеживается тот сегмент мира, который прагматически значим, и это значение определяет форму и содержание нашего потока мышления»⁶.

Он писал: «Мы синхронно переживаем рабочее действие как серию событий во внешнем и во внутреннем времени, соединяя оба измерения в единый поток, который следует назвать живым настоящим. Живое настоящее рождается, тем самым, на взаимопересечении *durée* и космического времени.

Проживая в живом настоящем текущие рабочие акты, направленные на объекты и объективности, которые нужно вызвать, ра-

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же.

ботающее Я ощущает себя инициатором текущих действий и, тем самым, – нераздельным тотальным Я»⁷.

Однако когда речь идет о рефлексии своего опыта, неизбежно возникает редукция этого «нераздельного тотального Я», которое *не может быть* представлено во всех своих проявлениях: «Исходя из нашей цели то соображение, что внутренний опыт наших телодвижений, сущностно актуальный опыт и открытые предвосхищения не поддаются схватыванию при помощи рефлексивной установки, вполне ясно показывает, что прошлое Я никогда не может быть более, чем *частичным аспектом тотального Я* (курсив мой. – А. Ю.), которое осознает себя в опыте своих текущих рабочих операций»⁸. Иными словами, мы не в состоянии выразить в рефлексии все многообразие реальностей, создаваемых нашим многоуровневым сознанием.

А. Шюц буквально анатомирует жизненный процесс, выявляя все возможные модусы реальности в сознании человека. Но остается совершенно не затронутым вопрос, который, наверное, и не должен волновать философа, но не может не беспокоить историка, – а как же изучать повседневность историческую, если ее существование не подлежит прямому наблюдению, а представлено опосредованно – исключительно историческими источниками? Между исследователем и чужой одушевленностью прошлого – граница времени, зафиксированная пространственной и смысловой границей документа. Это замечание несколько не колеблет тех наблюдений, которые высказал А. Шюц в отношении «множества реальностей». Они по-прежнему актуальны как атрибуты жизненного мира – всякой осмысленной повседневности. Вопрос в другом – *что мы видим в тексте* – какая часть этих многообразных реальностей в нем представлена?

В новейшем исследовании фундаментальных основ мыслительной деятельности европейской и арабской культур, в книге А.В. Смирнова «Слово и смысл», обсуждается вопрос о разных логических механизмах производства смысла – этот вопрос не был специально рассмотрен А. Шюцем, хотя общие выводы этих исследований во многом совпадают.

А.В. Смирнов различает две логические процедуры: логику процессуальную (П) и логику субстанциональную (С). «Процесс в П-логике – это не изменение субстанции во времени и пространстве; это не становление, не переход из потенции в акт. Все эти и им подобные понимания процесса выстроены средствами

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Там же. С. 9.

С-логики. Необходимо отвлечься от них, чтобы адекватно понять в П-логике. П-парадигма – это не субъект-объектная парадигма. Такая подстановка (объекта действия на место претерпевающего) – также стандартная ошибка С-мышления. Из всего сказанного вытекает, что процесс в П-логике – это не связь, и не отношение, и уже тем более не атрибут. Процесс в П-логике и есть *первичная действительность*. Вот почему процесс (протекание действия между действователем и претерпевающим) ни к чему не сводим, вот почему он неделим и не имеет меры. В П-логике процесс онтологически первичен»⁹. Между двумя логическими процедурами существует обратимость. Смирнов находит свое словесное определение этой ситуации: «Если С- и П-логики – *то же иначе* друг для друга, и если наше сознание всегда может быть выстроено в С- и П-парадигмах, значит, оно всегда – *то же иначе*»¹⁰.

Казалось бы, анализ двух логических процедур, по-разному присущих европейской и арабской культурам, подводит нас к мысли о сущности текста в передаче смысла той первичной повседневности, которую Шюц представил во множестве реальностей. Однако в отличие от философа историк ищет не умопостигаемый смысл, а смысл исторического контекста – и такой, который обременен культурно-значимыми высказываниями актуальными *здесь-и-сейчас*.

Процесс в П-логике для историка культуры, если пользоваться терминологией Смирнова, – это неотрефлексируемая область, обладающая изначальной неопределенностью. Эта неопределенность равнозначна «множеству реальностей» (по Шюцу), которые входят как переживания в осмысленную повседневность. Можно сказать, что «первичная действительность» является действительностью настолько эмпирической, что переход ее в *текстуальное русло* не может не быть редукцией культуры по созданию *нового* и более устойчивого смысла. Связь с эмпирическим миром прерывается навсегда.

Так своеобразно действует закон семантического *перевода* эмпирического содержания в неэмпирическое. Законом его делает природа любой культуры, которая удерживает себя в историческом контексте благодаря конвенциональным моделям – типичным объяснениям, имеющим свойство как создавать устойчивость смысла, так и видоизменять его.

Итак, эмпирическое состояние многих реальностей переживания человека не может сохраниться в прежнем виде и преобра-

⁹ Смирнов А.В. Слово и смысл. М.: ООО «Садра», 2024. С. 132.

¹⁰ Там же.

зается главной функцией культурного текста – достраивать мир первичных переживаний в соответствии с само-собой-разумеющимися доминантами конвенциональных моделей.

Переживаемую повседневность мы можем описывать в живом воплощении здесь-и-сейчас (при всех оговорках Шюца), но мы не можем почувствовать и уловить ту историческую повседневность, которая дана нам только в преобразованном виде и де факто уже не является ею. Вот – с моей точки зрения – где и кроется тяга исследователей к модернизации, которая нередко прикрывается словами «узнать “как было на самом деле”». Границей «как было» становится природа самого сознания человека. Во многообразии сиюминутных ощущений себя в настоящем человек находит возможным представить по аналогии и чужую одушевленность прошлого. Между тем мы узнаем ее только через текстуальный мир типичных объяснений другой культуры – только через конвенциональные модели, которые необратимо стирают эмпирические ощущения во «множестве реальностей»...

В настоящем выпуске журнала представлены работы, хотя и разные по тематике, но объединенные тем, что исследователь обращается к тому, что было «на самом деле» с одной лишь оговоркой. Категория «на самом деле» всегда относится к области сознания, к границам сознания человека во времени. Любое необоснованное расширение контекста ведет к игнорированию фактичности, имеющей свое представительство только в модусе субъективности. То, что всякое субъективное есть объективное, сказано давно. Задача гуманитария – показать, как это «работает» в исследовательской практике.

В статье А.Н. Андреева рассматриваются бытовые конфликты среди иностранных художников и ремесленников, населявших слободу при Петре I. Бытовые конфликты в своей первичной неопределенности таят множество причин, но все мыслимое разнообразие мотивов для драк, ссор, «собирается» вокруг культурно осмысленной доминанты – понятий чести и достоинства. Автор отмечает присутствие в этих конфликтах иронии и самоиронии, которые демонстрируют культурные механизмы самоидентификации.

Статья О.И. Киянской посвящена религиозно-политическим нарративам декабристов, представленными важнейшими документами революционного движения – от устава Союза благоденствия до «Православного катехизиса» С.И. Муравьева-Апостола. Неудовлетворенность от деятельности русской церкви толкала европейски образованных людей к поискам «универсального христианства», которое должно помочь правительству. Но нарастание

радикализма внутри движения приводило к сращиванию политических целей и средств военной революции с удобной для такой стратегии религиозной мотивировкой. Одни и те же тексты Священного писания могли приобретать разные смыслы в практиках их осмысления под влиянием того или иного контекста. Многообразие трактовок «того же самого» – изначальное свойство любой интерпретации.

В статье П.Е. Спиваковского, посвященной стихотворению М.Ю. Лермонтова «Поэт», ставится под сомнение традиционная интерпретация этого произведения как «продекабристского». В ходе исследования культурного контекста на первый план выходит радикализм индивидуальный, в котором выражались глубокие интенции русского романтизма. Лермонтов бунтовал не с декабристами, он бунтовал лично как демонический пророк.

А.О. Буранок исследует «дешевые книжки» для народа о Русско-японской войне. Казалось бы, рассказы о войне не претендуют на политическую роль. Но исследователь показывает, что «дешевые книжки» представляли собой весь российский политический спектр начала XX в. Здесь находили себе место самые разные интерпретации – от крайне правых, черносотенных группировок, до крайне левых, марксистов. Под общим патриотическим флагом бушевали настоящие политические страсти.

В статье М.П. Одесского рассматривается история политической терминологии 1920-х гг. в связи с политической борьбой, которую вел Сталин против Л.Д. Троцкого и «левой оппозиции». Как выясняется, Троцкий использовал для своего объяснения партийной тактики Сталина термины «комбинация», «комбинаторство», «комбинатор», чтобы показать, что генсек борется не за классовые интересы партии, а за личную власть в аппарате партии. В связи с этим ставится вопрос о возможной коммуникации терминов, употребляемых как в партийной полемике, так и в романах И.А. Ильфа и Е.П. Петрова.

В статье А.Л. Юрганова исследуется партийная чистка в главном советском учреждении, проводившем политику нэпа – в наркомате финансов СССР. Выявляется главный критерий партийной чистки – это «колебания» коммуниста, которые рассматриваются максимально широко – от «правого уклона» до семейных драг. В этих координатах формируется Культ Ошибки, создающий то явление, которое мы привычно определяем как «сталинизм». На смену уставу партии приходит критерий, сущность которого заключается в обезличивании всего человеческого, в стремлении искоренить любое «колебание» коммуниста как проявление личного начала.

А.В. Келлер изучает картину И.И. Бродского «В.И. Ленин в Смольном» как произведение искусства и исторический источник. Внимание исследователя обращено на эволюцию академического художника дореволюционного времени, который в новых условиях советского времени стал основоположником целого направления – искусства социалистического реализма.

Статья М.Л. Спивак посвящена последнему публичному выступлению Андрея Белого в Политехническом музее 11 февраля 1933 г. Исследуется поведенческая стратегия Белого, который прекрасно понимал, насколько он не вписывается в современность, и тем не менее он пытался представить себя как советского писателя. Своими объяснениями, что он не отказывается от свободы творчества и при этом готов выполнять задачи, поставленные коммунистической партией, Андрей Белый обнажал трагизм всей сталинской эпохи, в которой творчество рассматривалось уже деянием преступным, если оно не подчиняется органам политического контроля.

В статье Г.В. Зыковой и Юнь Лю изучается неизвестный сценарий Ю.П. Казакова «Манька» (1959) как первый опыт писателя в этом жанре. «Мосфильм» потребовал от Казакова внести изменения, но он отказался. Конфликт, в котором писатель попытался противостоять традиционным советским представлениям о любви, демонстрирует границы возможного в общественном сознании того времени.

В разделе “In Memoriam” публикуется последняя статья безвременно ушедшего от нас Алексея Евгеньевича Писарева (29.08.1979–01.03.2025), доцента кафедры истории России Средневековья и Нового времени.

В целом можно сказать, что гуманитарное познание стремится к междисциплинарному состоянию не потому, что это модно, а потому, что логика развития разных наук стремится к раскрытию того, «как было на самом деле» через многостороннее изучение исторического контекста – базового элемента научной реконструкции.

Андрей Л. Юрганов